

«Будет возможность — куплю дочери все»

С лейтенантом Абдуловой из «Улиц разбитых фонарей» мы беседовали сначала на съемках очередной серии миллионной саги, а потом в семейном гнезде Насти под Питером — на даче в Мельничных Ручьях, где маму дождалась годовалая Маша. Актриса очень гордится тем, что родила ребенка без отрыва от производства. Ей, женщине незамужней (Мельникова развелась несколько лет назад, а кто отец ребенка — знают только она сама и близкие), на помощь второй половины рассчитывать не приходится.

«Мама и выносила, и родила за меня»

— Какая по счету серия «Улиц разбитых фонарей» сегодня снимается?

— Если не ошибаюсь, 127-я. Сотую праздновали год назад. Наш сериал — первый, в котором столько серий, и мне кажется, незаслуженно незаметно все это прошло. Не говоря уже о том, что «Улицы» — шедевр, реально оцениваю то, что мы делаем. Но фильмов 60, в том числе сделанных года три назад, еще не показывали. Почему? Понятия не имею. Я уже успела родить Машу, ей исполнился год, а фильмы, во время съемок которых я еще только мечтала о ребенке, до сих пор где-то на полке.

— Ребенок с пониманием отнесся к вашей работе?

— Ребенок вел себя идеально. Не понимаю, как она все это выдержала. Съемки идут шесть дней подряд, потом три-четыре дня перерыва, во время него нужно озвучить фильм, затем следующая серия. В прошлом году в этих коротких перерывах я еще снималась у Бортко в «Идиоте» — ритм был на выживание. Думаю, и родилась Маша намного раньше потому, что решила: «Все, с меня хватит! Ты иди работать, мама, а я пока дома полежу!» Сниматься со мной по 18—20 часов в сутки она уже не

С дочерью Настя не расстается даже на съемках

могла. Мне все говорили: «Из-за ребенка на три-четыре года выйдешь из профессии». Но у меня сложилось иначе. Я даже беру ее на съемки. Например, сейчас снимаем за городом двенадцать огромных сцен с погонями и всеми делами, а в перерывах общаюсь с дочкой. Пока жили в городе, я быстро к ней, кормила — и мне становилось легче. А когда весь день ее не видишь, это ад. И эгоизм сравнивает: она мне нужна больше, чем я ей.

— Думаете, дочери полезны полевые условия?

— Условия только такие, других не бывает. Маша со мной в три месяца летала в Америку, ей не привыкать. У меня для таких случаев есть складная коляска, сумка, переносной холодильник для питания. С современными вещами и техникой, которые сейчас продаются для детей, никаких проблем не возникает. И дело даже не в технике. Когда моему младшему брату Саше было всего три месяца, а памперсов и переносных холодильников не водилось, мама спокойно брала троих детей и мы летели в Сухуми. И все было счастливы. Поэтому у меня все мобильно и легко. Год назад, во вторник вечером, до часу ночи я снималась, в среду родилась Маша, в пятницу уже

озвучивала, а в воскресенье снова снималась... Посмотрите, какая красота вокруг, какие поля, какой лес! Все равно ребенку лучше с обожавшей его мамой — даже и в полевых условиях. Я так надеюсь.

— Первые шаги Маша сделала при вас?

— Конечно. Она пошла в восемь с половиной месяцев, вообще не ползала. Я постоянно с ребенком. Один раз уехала без нее в Америку только потому, что накануне отъезда у нее была температура 39. Я рыдала: «Мама, я никуда без Маши не поеду!» Но в Америке ждала работа, не могла подвести людей. Первые три суток только и делала, что звонила домой: «Мама, что с Машей?» «Ребенка никто не накормил, не помыл, спать не уложил, она там одна закрыта в темной комнате!» — говорила мама. Конечно, времени катастрофически не хватает, но не работать я не могу.

— Зачем же так мучиться? Сейчас популярно мнение, что ребенка все равно, кто меняет ему памперсы.

— Я уверена, что нет. Никого не хочу осуждать, но я себе родила ребенка, потому что безумно его хотела. И очень хочу менять ему памперсы, мыть попу, кормить, одевать. Думаю, что даже когда ночью подхожу к ней спящей, она по запаху определяет, что рядом мама. Наверное, Маша это не будет помнить.

«Сейчас мы всей семьей живем на даче»

«Первые шаги Маша сделала при мне»

Она была первая, кого я увидела, когда открыла глаза...

«После аварии на время потеряла память»

— Вы так лихо ехали перед нами на своей «пятерке» — думали, не догоним. Неужели еще есть желание лихачить после аварии, в которую вы попали в юности?

— В результате того случая я какое-то время даже ничего не помнила. Но в этом были свои плюсы: в 22 года как будто впервые в жизни читала Пушкина — это же совершенно другое восприятие. Иногда было смешно: вижу человека, здороваюсь с ним, а вспомнить его не

могу. Белый лист! Как только вернулась на работу, втянулась в сумасшедший ритм жизни, все плохое ушло, осталось только хорошее. Теперь вот хочу еще двоих-троих детей. Надо подождать два года, так врачи говорят, но как только разрешат — бегом, скорей, сразу!

— Но все же есть женщина, которая вам помогает?

— До рождения Маши думала: выйду на работу, возмужаю — и никаких проблем не будет. Но потом поняла, что никому чужому я ее отдать не могу. На мое счастье, одна наша очень хорошая знакомая, Мананочка, которая никогда в жизни вообще не работала, а просто вырастила троих удивительных детей, предложила свою помощь и переехала к нам. Так что для меня это не няня, а просто член семьи. Она грузинка, и поэтому первое слово у Маши было «дэда» — мама по-грузински.

— А ваша мама, онколог-гинеколог по профессии, при родах присутствовала?

— Естественно! Я только зазвонила маме — выносила, родила за меня. Она была со мной. Когда мама надевала маску, ее подруга, которая принимала роды, спросила: «А ты куда?» «Куда куда? Я туда!» — сказала мама.

Год назад, во вторник вечером, до часу ночи я снималась, в среду родилась Маша, в пятницу уже озвучивала, а в воскресенье снова снималась...

рвато. Я добросовестно все делала, и мне обидно за силы и время, вложенные в эту работу. Поэтому надо ее закончить. Чтобы хотя бы казалось, что у Маши мама умная. К тому же мне хочется защититься, потому что не знаю, как у меня дальше сложится. Сейчас есть работа в «Улицах». В ноябре контракт заканчивается. Будет продолжение, не будет — никто сказать не может. А так хотя бы есть уверенность, что смогу читать лекции. Когда папа был в ужасе, что идущий в театральный, он мне сказал: «Настя, я представлял, что ты закончишь истфак или филфак, напишешь диссертацию, займешься научной работой». Эта папина фраза у меня осталась. Папы уже десять лет как нет. Его не хватает все больше и больше. В основном делаю диссертацию для Маши и для папы.

— Однокурсники, наверное, считали вас блатной?

— Конечно, считали.

— Не напрягало?

— Нас таких много учились

в театральном институте, поверьте. Но много было и самородков потрясающих. Человек в институте, который помогал мне поступать, маме сказал: «Ленуся, поступление я ей гарантирую. Дальше не ударю палец о палец. Если в ней вот столечко есть, она останется и будет учиться. Если нет — вылетит с первой же сессии, и никто здесь ничего не сделает». Это сказал папин самый близкий друг, которого я знала с детства. И только когда первую сессию сдала на пятёрки, он изменил свое отношение. У меня не было красного диплома только потому, что на три сдала историю партии на первом курсе. За неделю до этого экзамена упала на физкультуре и выломала себе ключицу, меня прооперировали, ходила в гипсе. Через три дня после общего наркоза пошла сдавать экзамен. Списать с привинченной рукой было невозможно. А все эти сцены партии я не запомнила, и мне справедливо поставили три. Понимаете, когда был конкурс 360 человек на место, кому этот малолетний придурок с двумя косичками был нужен? А вот видите, оказывается, могу в профессии существовать.

— Мне кажется, вы железобетонно уверенный в себе человек.

— Ходячий комплекс, не уверенный ни в чем. На экране видеть себя вообще не могу. Боюсь всего. А когда надо принять решение, советуюсь с родственниками.

«Долги за квартиру еще не отдала»

— Слышала, вы диссертацию пишете.

— У меня диссертация по американскому мюзиклу. Осталось только сестра и «налить воды». Конечно, опоздала с темой. Когда начинала десять лет назад, у нас мюзиклов вообще не было. Тогда это в институте было неинтересно, а сейчас уже ста-

— Смерть отца, так много значившего для вас, изменила жизнь?

— Папа был стержнем, который держал всю семью. Она, конечно, не развалилась. У меня очень сильная мама. Мне было смешно, когда мальчики полусерьезно стали спорить, кто будет сидеть на папином месте, кто главный мужчина в доме. И мама так спокойно села и сказала: «Главный мужчина в доме — это я». В ней есть потрясающее сочетание мягкости и строгости. Сейчас живем в этом доме все трое детей с семьями... В этом году ремонтирую свою новую квартиру на Мойке. В следующем году приведу в порядок сад — видите, в каком он состоянии? Этой зимой вымерзли все мои розы. Но сейчас силы брошены на квартиру.

— Отдали за нее долги?

— Нет. Потому что, когда почти закончила ремонт, рухнули деревянные перекрытия — вместе с идеально натянутыми на них потолками. Я встала и сказала: «А теперь делаем все заново». Но на сегодняшний день в моей квартире через восемь метров вверх видна крыша. Хорошо еще, что я и мансарду тоже приватизировала. Потом отремонтированную квартиру буду сдавать: мне таких сумм, которые должна, не

заработать чисто физически. А зависит от кого-то я не хочу. Так что разберемся. Я же не бедная девочка, которой негде жить. У нас есть дача, у мамы роскошная квартира. Прошлую зиму мы с Машей и младший брат с семьей жили у нее. Маша растет вместе с Сашенькой, моей крестной и племянницей. Я отношусь к ней как к своему ребенку.

— В школу Машу отдадите? Я знаю, вас учили в основном на дому.

— Да. В один класс с Сашей. Бедный тот класс, куда пойдет эта банда... В школу я не то чтобы совсем не ходила. Но если заболела, мама разрешала на уроки не ходить. Раз в месяц писала какие-то контрольные... Сейчас мне предлагают работу в Америке на три года, но совсем уехать туда — ни за что и никогда.

— Почему? С языком у вас проблем нет, с работой тоже.

— Не могу. Не мое. Притом что работа в Америке решила бы массу проблем: не надо сдавать квартиру, можно отдать долги. Но не могу. И не хочу вернуться сюда через три года, когда меня уже никто не будет помнить. Допустим, в 28—29 можно начинать сначала. Но в 37 начинать с нуля!

— А говорят, в сорок лет жизнь только начинается.

— Посмотрим. Сейчас с Машей стараюсь говорить по-английски, чтобы у нее откладывалось. Но я все-таки за наше образование, потому что у нас оно сильное. Но как Маша скажет, так и сделаю.

— Стоит ли так баловать ребенка?

— Да. Меня очень баловали. Но когда однажды мама уехала в отпуск, а няня и помощница по дому вдруг не смогли прийти, на мне, 14-летней, остались 6-комнатная квартира, братия — студент и школьник, две собаки и два котика. И я справилась. Мне никто не говорил: «Вставай и мой посуду». Но как-то все само получалось. Папа мог позвонить маме: «Леночка, у нас сегодня обедает 40 человек американцев». И мама убирала квартиру, доставала продукты — их ведь тогда нельзя было просто купить. Так что родители воспитывали примером, фактом своего существования.

«Своей машины вообще нет — беру у родственников»

— Вы росли вместе с братьями, теперь снимаетесь в сериале, где вокруг вас одни мужчины. Это карма какая-то.

— Это очень счастливая карма. Я человек эгоистичный и невероятно закомплексованный, и если мне не сказали 97 с половиной комплиментов, то

день прожит зря. Поэтому мне очень нравится существовать в этом каре мужчин. Пока мужчины проявляют внимание, цветы и распускаюсь. А потом, у нас потрясающая группа. Их всех хочется обнять и поцеловать.

— Приходилось сталкиваться с женской завистью в свете такой популярности?

— И с мужской, и с женской.

— Каблуки не подпиливали перед съемками?

— Нет, но однажды гример помогла мне приклеить ресницы. И глаз склеила так, что открыть его я уже не смогла.

— Думаете, это специально?

— (С иронией.) Нет, профессионал это сделал случайно! У этого поступка была конкретная причина. Я пошла в церковь, поставила свечку, попросила Бога жену ее простить, потому что она не понимает, что творит. Не мое дело наказывать людей. Не хочу тратить время на выяснение отношений. У меня очень много беды в жизни случилось, на которую я тратила отрицательные эмоции. Мне гораздо приятнее рассказывать об удачах.

— Вышиваете на съемках?

— Сейчас вышиваю восточную подушку — в тонах моей новой квартиры. Но как только что-то заканчиваю, все куда-то уносится со словами: «Ты себе еще вышьешь!» Такое ощущение, что я просто ткацкая фабрика. У меня практически ничего не осталось из вышитого во время съемок. Вышиваю и гладелью, и крестиком, и gobelеновым швом. Это занятие меня успокаивает. Пробовала читать, но люди отвлекают.

— Настя, ну прямо институт благородных девиц — и вышиваете, и музицируете, и на трех языках говорите.

— Родители к этому и стремились. Я учила английский, французский, немецкий. После аварии не помнила, что было 5 минут назад, но английский, который учила в 3—4 года, всплыл сразу. Французский сейчас возвращается, я хожу к педагогу и понимаю все, только говорить пока боюсь.

— Не ожидала вас увидеть за рулем скромной «пятерки».

— Это не моя машина, а машина. Она продана. На сегодняшний день у меня все средства уходят на ремонт. Да и такой необходимости в автомобиле пока нет. Когда нужно, беру машину у родственников. Не хочу покупать что-то среднее. Зарабатую на хорошую. Но сейчас мне важнее купить мрамор в ванную. Я пригласила дизайнера, потому что не знаю лучше всех, как надо оформить интерьер. И мне приносили несколько красивых, дорогих, интеллигентных проектов гостиниц, никакого отношения к жилому дому не имеющих. В такой квартире можно прожить неделю, месяц — не больше. А я хочу иметь дом, в котором мы с Машей будем жить долго и счастливо.

Но если у Маши появится еще дом в Париже, Риме, Нью-Йорке, я буду только рада. Будет возможность — все ей куплю.

Надежда Келлер. Санкт-Петербург — Москва.

Анастасия Мельникова:

На экране видеть себя вообще не могу

«Если мне не скажут 97 с половиной комплиментов, день прожит зря»